

А.Б. Ланцова

Меншиков

Меншиков Александр Данилович, Алексашка — персонаж романа А.Н. Толстого «Петр Первый», постельничий царя Петра, его денщик, он же впоследствии «бомбардир-поручик Преображенского полку, генерал-губернатор Ингрии, Карелии и Эстляндии, губернатор Шлиссельбурга», генерал-губернатор Петербурга.

Родом Меншиков из семьи царского конюха. После смерти матери его отец, Данила Меншиков, пьянствует, хочет жениться. Он жесток с сыном, постоянно в пьяном виде порет его, стремясь отучить от воровства. Про отца Меншиков признается Алеше Бровкину: «Эдакого отца на колесе изломать, аспида хищного...»

У Меншикова большие «бело-голубые глаза», «большеглазое лицо». Он строен и подвижен.

С детства Меншикова отличают ловкость и изворотливость. Алексей Бровкин, увидев его впервые, думает: «Ох, должно быть, бойкий мальчик». Отец признается гостям: «...Сын у меня от рук отбился, заворовался вконец...»

Наказания Меншиков переносит стойко. «Меня тятка когда два раза, а когда три раза на день порет. У меня на заднице одни кости остались, мясо все содранное», — жалуется он Алеше. Когда его в очередной раз «выпороли без пощады», он только молчит да хрустит зубами.

Меншиков любопытен и жаден до всего нового. Убежав из дома, он с интересом всматривается и вслушивается в окружающую жизнь. Алеша Бровкин замечает, что Меншикову «до всего... было дело». Он лезет сквозь толпу к лавкам, заговаривает с купцами, приценивается, хотя ничего не собирается купить, отпускает шуточки.

Меншиков артистичен от природы. В считанные минуты он перевоплощается в «убогого» и добывает пропитание. Находчивость, умение моментально сориентироваться помогают ему с Алешей пристроиться к торговцу пирогами Зайцу.

Меншиков мастер на все руки. В доме посадского «в руках у него все так и горело, и все — с шуточками». Федька Заяц называет его «ловкач парень». Меншиков умеет лгать так правдоподобно, что ему верят. Однако Меншиков с юности самолюбив: от Зайца, от сытого житья он уходит, не желая терпеть побои и поучения. На замечание Алеша Бровкина (с хозяйскими пирогами уйти — грабеж) Меншиков деловито отвечает: «А жалование нам дьявол платил? Хребет на него даром два месяца ломали».

Во время мятежа стрельцов Меншиков предчувствовал большие перемены и, «как бес, вертелся возле моста». Страшные события на Красном крыльце происходят у него на глазах, так как Меншиков «повис, вцепившись руками и ногами на пузатом столбе крыльца». Это помогает ему потом на Яузе узнать царевича Петра. Меншиков не боится подшутить над царевичем, учит его протаскивать иглу с ниткой через щеку.

Жизнь Меншикова всегда полна неожиданностей. Живя впроголодь, кочуя по Москве, он боится встретиться с отцом, пообещавшим убить его. Неожиданно Меншиков насккивает на отца около горящего трактира. Как ни быстро бежит сын, отец почти нагоняет его. Выручает его из беды появившаяся карета Франца Лефорта. Так судьба приводит Меншикова в Немецкую слободу.

Здесь Меншиков не упускает своего шанса. Еще Алеше Бровкину он хвастал: «Я все песни знаю. А плясать злее меня нет на Москве». У Лефорта, тоже большого охотника до танцев и веселья, Меншиков чувствует себя, как рыба в воде. Он приводит в восторг гостей Лефорта и среди них царя Петра. «Один, синеглазый, наглый, вскочил и с пригово-

ром... пошел вприсядку, отбивая подковками дробь, щелкая ладонями по песку, с переворотом, с подлетом, завертелся юлой...»

В нужный момент Меншиков предлагает влюбленному Петру показать, где живет Анхен Монс. У него в это время «вкрадчивый голос», «пронзительные глаза», демонстративная готовность помочь. «Верхом-то доедешь?» – спрашивает он хмельного царя, помогает ему сесть в седло и провожает до дома.

Вторая встреча с царем оказывается решающей в судьбе Меншикова. Он многое узнает о нем, с чувством сострадания и одновременно любопытства наблюдает за приступом болезни Петра. Царь сам просит его не уходить и, не отпуская Меншикова, идет в хоромы. Меншиков помогает царю раздеться, по его приказу ложится рядом. «Быть тебе постельничьим», – определяет Петр.

Меншиков проворен и деловит, всегда бодр и весел. «Алексашка проведет ладонью по роже и, как вымытый — веселый, ясноглазый, смешливый». Он становится необходимым для царя человеком. Вскоре Петр от смеха плачет, глядя «влюбленно» на Меншикова.

Меншиков хитер. Он метит стать не царским шутком, как думают многие, а советником, приближенным лицом его. На советах он «тянется из-за чьего-нибудь плеча», говорит «скороговоркой, чтобы не прогнали». От его правильной подсказки у Петра вспыхивают глаза.

Меншиков умеет из-под земли достать для Петра все, что нужно, днем или ночью. Никита Зотов уличает Меншикова во лжи, не обижая при этом себя: «Ох, повесят тебя когда-нибудь за твоё воровство». Меншиков оправдывается, «отвернув рожу, нашмыгав слезы из синих глаз», подыскивая в свое оправдание «жалостливые слова». Лефортов замечает: «Мальчишка пойдет далеко, предан, как пес, умен, как бес». В юности Меншиков жадно любит подарки, «чем бы ни одаривали». «Кое-кто из челяди» скоро начинает величать его Александром Данилычем.

Меншиков опытнее Петра в любовных делах. Его суждения о немке и женитьбе на ней отвечают политическим, государственным интересам страны. Он открыто говорит Петру, что нельзя ему на немке жениться. Каждый новый день приносит ему новые успехи. Меншиков выделяется среди гостей Лефортова в новом танцзале. «На нем был синий суконный кафтан с красными отворотами и медными пуговицами, огромные серебряные шпоры на ботфортах; лицо, окруженное пышным париком, припудрено, в кружевном галстуке — алмазная булава, веселые, прозрачной воды глаза без смущения оглянули гостей. Ловко поклонился, зябко повел сильным плечом, стал задом к камину, взял трубку». Он поражает присутствующих своей смелостью беззастенчивого парня, «беззаботно оттеснившего почтенных людей от очага». Гамильтон шепчет лесоторговцу Сиднею: «Царский любимец, недавно из денщиков пожалован офицерским званием, очень нужный».

Но не только карьерой озабочен бывший торговец пирогами. Меншиков с удовольствием веселится и гуляет. Пьет он наравне со всеми, «только бледнея от вина»; у него лишь глаза синеют. В юности вино не берет его.

Меншиков не знает страха. В Азовском походе он весел, идет в самое пекло, лезет на стены крепости. «Его дьявола, смерть не брала». Меншиков наделен и военной сметкой: обнаруживает такие детали, мимо которых проходят опытные генералы. Он предлагает свой способ ломать стены, солдат вооружить вместо длинного оружия — ручными бомбами да казачьими шашками.

Меншиков всегда верит в успех, никогда не теряет присутствия духа. Он верит в удачу Азовского похода, когда другие собутельники Петра уже готовы повернуть назад.

Меншиков, при всех его талантах, крепко нечист на руку. В Кенигсберге, куда он едет с Петром, его более всего поражает открытость домов, спокойствие хозяев, у которых в доме все на виду. Его мучает мысль: как не воруют? На вопрос царя: «...Заведем когда-нибудь у себя такую жизнь?» Меншиков отвечает: «Не знаю... не скоро, пожалуй».

Меншиков обладает удивительным качеством — он «всюду был дома». В Ганновере «широкоплечий красавец», окруженный фрейлинами, чувствует себя спокойно и уверенно. И здесь он показывает свое мастерство в танцах. После слов Петра: «Алексашка, жги!» «Меншиков повел плечами, повел бровями, соскучился лицом и пошел с носка на пятку».

Постепенно окружающие начинают воспринимать Меншикова серьезно, считать его не только «царским любимцем», но и «очень опасным» человеком, преданным царю. Не случайно сам Петр после похорон Лефорта говорит: «Были у меня две руки, осталась одна рука, хоть и вороватая, да верная». В политике Меншиков бывает порой излишне горяч, не всегда понимая всю опасность положения. В самом начале развития политических отношений с Турцией он предлагает царю нанять войско у императора. «Неужто мы императора не обманем», — наивно рассуждает он. В иной ситуации Меншиков может проявить и осторожность. «Так ли турецкий султан слаб, как ты нас успокаиваешь?» — спрашивает он посла Прокофия Возницына. Меншиков горячится, но после доводов Возницына и особенно Головина, который пробрался к туркам и вел тайные переговоры с Маврокордато, осознает слабость России, ее политического влияния.

Постепенно Меншиков становится заметным человеком в государстве. В гостях у старшего Бровкина он «с порога обводит гостей сине-холодным государственной строгости взором». Теперь меняется и манера поведения Меншикова. Он размашисто кланяется княжнам, «с ленивой усмешкой» целует Саньку в лоб и треплет за кончики пальцев, «коротким кивком» приветствует гостей. Меншиков дает понять, что знает замыслы царя, потому советует Ивану Артемьевичу не связываться с иностранцами в строительстве суконного завода. «Брось, не дело», — заключает он.

С годами Меншиков становится не так крепок на вино. После кутежа до семи часов утра он мучается с похмелья; в его «синих глазах муть», а веки припухли.

На людях Меншиков держится чинно и строго (сцена в роте Алексея Бровкина). Лишь после смотра Меншиков протягивает Алексею «из мехового плаща холеную руку», хлопает его по плечу, шепчет ему на ухо: «Отличись под Нарвой — в полковники махнешь...»

Меншиков и сам не прочь покрасоваться перед войсками. Его бравый вид подзадоривает солдат, вызывает ненависть и усмешки врага (сцена осады Нарвы и «поединок» Меншикова с комендантом Горном у стен крепости). Меншиков гордо стоит рядом с царем «на вороном коне», подбоченившись, весело поглядывает на проходившие войска, ветер играет «перьями его золоченого шлема».

У Меншикова мгновенная реакция на опасность (вылазка отряда егерей из крепости). Он кидается к своему вороному жеребцу, вскакивает в седло, выдергивает шпагу, поднимает коня на дыбы и устремляется вперед. Петр видит, как «красные перья» заматались среди железных касок рейтар неприятеля. Он увлекает за собой драгунов и возвращается из схватки «горячий, весело оскаленный, с дикими глазами». Царь замечает «на медной кирасе следы ударов», что дает Меншикову возможность прихвастнуть и своей храбростью, и потерями неприятеля.

Меншикову трудно понять стратегию Петра после первого поражения под Нарвой. Он приходит в ужас от мысли, что они тайно, бросив армию, бегут в Новгород. Меншиков «густо багровеет», у него «от жгучего стыда наливались слезы».

При взятии Нотебурга Меншиков со слезами просит Петра пустить его добыть честь и славу. «Надо мной люди смеются: генерал майор, губернатор псковский! А на деле — денщик был, денщиком и остался... Пусти за военным чином». Он стремится проникнуть в крепость с резервным полком, взобравшись по стенам.

Петр с усмешкой думает: «Хвастун». Однако когда розовая рубашка Меншикова замелькала «на самом верху, между зубцами стены», царь восклицает: «Вот, черт». Вслед за этим прорывом следует капитуляция врага: Меншиков с отрядом решил судьбу тринадцатичасового боя.

Меншиков бывает неосмотрителен и излишне болтлив. Рассказав однажды Петру о молодой женщине, он признается царю: «Так полюбила меня, привязалась, — глаз ни на кого не поднимает... Прямо хоть женись на ней». — «Чего же не женишься?» — спрашивает Петр, и Меншиков вспоминает о своем худом роде, о том, что Екатерина — пленная. «Мне бы хоть графа какого получить — титул», — просит он.

Меншикову очень не хочется расставаться с Екатериной. Он пытается скрыть ее от царя, за столом сидит «не поднимая глаз». Меншиков все же вынужден привести женщину. Петр слышит сердитые шаги Меншикова, видит, как тот, вернувшись, «стал в открытой двери, кусая губы».

На любом посту Меншиков постоянно в делах и заботах. В только что построенном городке он закладывает первую верфь, следит за строительством бастиона (Кроншлота), возведением причалов, домов, мазанок. Бровкины, знающие Меншикова хорошо, видят, что «приспособиться к нему было очень трудно, и человек он был опасный».

При всей широте своих взглядов Меншиков никогда не забывает о своей выгоде. Он умело собирает и бережет свои деньги, а казенные не жалеет. На это Петр замечает ему: «Поостерегись... полегче рассуждай насчет казенных денег».

Меншиков искренне заботится о своем государе, старается сделать ему приятное. После поздравлений с «великой Викторией», он передает Петру дорогой подарок — письмо из Измайловского дворца от Екатерины, посылку сестры.

В боях за Нарву Меншиков, как всегда, показывает чудеса храбрости и мужества. Под бомбами со стен Иван-города он со стрелками перебегает по плавучему мосту, когда «бомбы шлепались в воду, нажимая воздух, с шипеньем проносились над головами». Обогнав стрелков, Меншиков топает ногой, машет краем плаща. «Вперед, вперед!.. Живей, живей!..» — ругается он. На бегу, по колено в воде, он вновь перегоняет колонну. «Барабанщики — вперед! Знамя — вперед!» — кричит Меншиков. Стрелки вместе с командиром «хлынули через гребень пролома в город».

Царь не может остановить грабеж и разбой в захваченной Нарве. Он бешено глядит на своего приближенного. «У него на железной кирасе были вмятины от пуль, узкое лицо осунулось, волосы потные, губы запеклись...» Однако именно ему, «господину бомбардиру поручику Меншикову», теперь губернатору города, Петр отдает приказ: «Времени даю час — остановить кровопролитие и грабеж... Ответишь не спиной, головой...» Меншиков от обиды бледнеет, но тотчас выходит, «волоча порванный плащ», как всегда подчиняясь не только царю, но человеку, чей авторитет для него непререкаем.